

Н. Д. ГОЛЕВ

«ЕСТЕСТВЕННАЯ» НОМИНАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ПРИРОДЫ СОБСТВЕННЫМИ И НАРИЦАТЕЛЬНЫМИ ИМЕНАМИ¹

Целью этой работы является анализ некоторых сторон онома-
сиологического процесса в сфере апеллятивов и собственных имён.
Этот процесс недостаточно исследован в лингвистике, так как «до
сих пор вопросы ономасиологии нередко растворяются в семасио-
логии»². Здесь представляется возможным рассмотреть только са-
мые общие вопросы синтаксической и лексической объектива-
ции³ и номинации. Их наиболее подробная характеристика дана
И. С. Торопцевым, однако его выводы не могут объяснить меха-
низм появления всех слов в языке. В частности, процесс возникно-
вления единиц лексики природы не только не может быть интер-
претирован через соответствующие положения И. С. Торопцева, но
и во многом противоречит им.

Причина этого связана, по-видимому, с принципиальным разли-
чием лексики природы и лексического материала, исследуемого
И. С. Торопцевым⁴, который анализирует «неологизмы относитель-
но недавнего происхождения», опираясь на «свидетельства людей,
двигающих или делающих попытки двигать вперёд науку, произ-
водство, искусство и под.»⁵. Отсюда концепция данного автора
создает представление о номинации как о процессе во многом ис-
кусственном и рациональном и о мотивировке как о произвольном
акте. Приведем характерное высказывание: «...человек в своей
практической деятельности встречает предмет, который еще не на-
зван. Подвергнув этот предмет первоначальному, но достаточному
для называния изучению (путем построения суждений, конечно),
выработав тем самым понятие о нем, он начинает подбирать под-
ходящую звуковую оболочку — выразитель понятия и название
предмета, для чего выбирает признак из нового значения (понятия)

¹ Статья печатается в дискуссионном порядке. (Ред.).

² И. С. Торопцев. Очерк русской ономасиологии. Автореф. докт. дисс.
Л., 1970, стр. 3.

³ Выражение идеального содержания — соответственно — словосочетаниями и
отдельными словами (термины И. С. Торопцева).

⁴ И. С. Торопцев. Очерк русской ономасиологии; Он же. Лексическая
мотивированность. — «Уч. зап. Орловского пед. ин-та», т. 22. Орел, 1964.

⁵ И. С. Торопцев. Лексическая мотивированность, стр. 60—61.

и отыскивает такой же или подобный признак в существующих лексических единицах»⁶.

Многочисленные в топонимике высказывания об имени собственном как об условном языковом знаке и о мотивировочном признаке как о случайном и несущественном предполагают именно такое понимание ономастического процесса. Однако в конкретных лингвистических исследованиях (особенно при этимологическом и социолингвистическом анализе тематических групп топонимов и апеллятивов) складывается иной подход к принципам называния объектов. Здесь они рассматриваются как *естественный* языковой процесс, обладающий способностью отражать свойства обозначаемых явлений.

Нельзя, конечно, отрицать наличие целых групп объектов, номинация которых в большинстве случаев происходит в результате сознательных, рациональных актов, таковы, например, некоторые сферы терминологии и неологизмы в художественной литературе, но и здесь «рациональность» называния не абсолютна: часто автор неологизма не подбирает сознательно «подходящую звуковую оболочку», а «просто выражается так, как сказалось»⁷, т. е. в подобных случаях автор интуитивно ориентируется на *объективные языковые закономерности номинации*. Данная работа содержит попытку описания некоторых из этих закономерностей, существующих в лексике природы, где они проявляются, на наш взгляд, наиболее отчётливо на примере наименований видов флоры и фауны (чаще всего на примере названий птиц), а также топонимов. Эти закономерности мы объединяем общим термином «естественная номинация», противопоставляя её номинации «искусственной», как мотивированной (например, при создании многих терминов науки), так и немотивированной, условной (характерной, например, для современной микроурбаники), но не противопоставляя субъективной номинации, так как всякое название в конечном итоге имеет своего индивидуального автора и поэтому субъективно. Однако для «естественной» номинации характерно именно то, что её субъективные моменты полностью растворяются в объективных закономерностях.

Их выявление имеет и практический аспект, связанный с *необходимостью* «искусственной» номинации и решением вопроса о том, должны ли учитываться объективно (стихийно) сложившиеся принципы называния объектов⁸.

Объективность этих принципов проявляется, во-первых, в прямой зависимости номинации от процесса образования понятия из представления, а, следовательно, и от свойств самого объекта (при

⁶ И. С. Торопцев. Лексическая мотивированность, стр. 26—27.

⁷ Н. И. Фельдман. Оказиональные слова и лексикография.— ВЯ, 1957, № 4, стр. 70.

⁸ См. об этом, например: Н. В. Подольская. Какую информацию несет топоним.— В сб.: Принципы топонимики. М., 1964, стр. 90—91; К. С. Горбачевич. О городской топонимике.— В сб.: Вопросы культуры речи, вып. 5. М., 1964.

этом «...названия природных объектов чаще содержат информацию о естественно-географических свойствах реалии, чем названия искусственных объектов»⁹. Протекая в чувственных формах, этот единый процесс формирования понятия и его объективации во многом независим от сознательной деятельности субъекта.

Во-вторых, при «естественной» номинации появление того, а не иного названия, по сути, «предопределено» эволюцией форм выражения идеального содержания. Эта эволюция, протекающая по линии закрепления в языке и редукции форм синтаксической объективации, есть результат все более частой употребительности описательных конструкций¹⁰.

В-третьих, объективность «естественной» номинации проявляется в наличии для определённой группы лексики сложившихся принципов («семантических моделей-эталонов»)¹¹, способов и средств¹² номинации, значительно упрощающих процессы мотивировки и лексической объективации. Здесь важно отметить конечную обусловленность набора таких «моделей-эталонов» свойствами реалий, а точнее, понятий о них.

Все указанные особенности «естественной» номинации объединяет общая тенденция — стремление создать мотивированное (обусловленное понятийным содержанием) название данного объекта.

По отношению к собственным именам такая постановка вопроса требует дополнительных замечаний, так как в топонимистике часто отрицается или недооценивается способность имен собственных, в отличие от нарицательных, выражать понятия и, таким образом, их значение не рассматривается как отражательная категория. Наиболее полно это проявляется в положениях типа: «...традиционный треугольник по отношению к собственному имени превращается в линию «слово — вещь»¹³, в абсолютизации значимости как содержания собственных имен, во взгляде на их значение как на функцию и т. п. Не все лингвисты соглашались с такими положениями, считая, что нарицательные имена существительные соотносятся с общими понятиями, а собственные — с единичными, и что отличие этих понятий имеет относительный характер, так как «по форме отражения те и другие понятия представляют собой обоб-

⁹ А. К. Матвеев. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов.— В сб.: Этимология 1967. М., 1969, стр. 195. См. об этом также: В. М. Мокиенко. Семантические модели славянской тельмографической терминологии.— В сб.: Местные географические термины. М., 1970.

¹⁰ См.: В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1967, стр. 18—19.

¹¹ А. К. Матвеев. Значение принципа семантической мотивированности, стр. 193.

¹² О. И. Блинова. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии.— В сб.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1971, стр. 98—101.

¹³ А. В. Суперанская. Языковой знак и имя собственное.— В сб.: Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских лингвистов на 10-ой международной конференции. М., 1967, стр. 152.

щения»¹⁴. Понятийное содержание и нарицательных, и собственных имен в равной мере раскрывает компонентный анализ. Так, если значение слова *роза* разлагается на компоненты: 1) садовый цветок, 2) определенной формы, 3) размера, 4) запаха, 5) с шипами¹⁵, то аналогичным образом в значении слова *Байкал* можно выделить компоненты: 1) озеро, 2) определенного географического положения, 3) размера, 4) формы, 5) с прозрачной водой и т. п.

С другой стороны, имеются существенные отличия между общими и единичными понятиями. Первые формируются из общих представлений, обобщающих многие восприятия различных предметов одного класса, вторые — из конкретных представлений, обобщающих различные восприятия одного предмета. И эти различия не могут не отразиться на характере номинации собственными и нарицательными именами.

* * *

Исходя из сказанного, дальнейшее изложение целесообразно разделить на две части. 1. Описание общих черт процесса номинации, характеризующих оба разряда имен. 2. Описание их специфических особенностей.

1.

Если мы встречаем (открываем) неизвестный ранее предмет, то первой формой объективации представления о нём (но ещё не понятия) будет, по-видимому, слово, обозначающее общий класс предметов, к которому мы отнесём «новый» предмет. Попытка передать его содержание при помощи языка рождает описание — совокупность суждений о признаках этого представления. Наличие описания свидетельствует о переходе к понятийной *форме*, основным свойством которой является расчленённость. «Если мы умеем указать раздельно, один за другим, признаки предмета, мы обладаем понятием, если же мы не в состоянии этого сделать, мы находимся на стадии представления»¹⁶. Переход представления в понятие в плане *содержания* осуществляется путём очищения первого от случайных и несущественных признаков и выделения совокупности существенных.

Существенные признаки неравноценны по своим отличительным возможностям, так как в представлении «важно не только тождество составляющих его признаков, но и лёгкость, с какою один признак воспроизводится за другим»¹⁷, что зависит от после-

¹⁴ Е. К. Войшвилло. Понятие. М., 1968, стр. 246.

¹⁵ М. Д. Степанова. Вопросы компонентного анализа в лексике. — «Иностранные языки в школе», 1966, № 5, стр. 36.

¹⁶ А. А. Ветров. Расчленённость формы как основное свойство понятия. — «Вопросы философии», 1958, № 1, стр. 43.

¹⁷ А. А. Потёбня. Мысль и язык. Харьков, 1913, стр. 115.

довательности их закрепления. Один из этих признаков способен легко вызвать в сознании все остальные. Естественно, что именно такие признаки становятся мотивировочными для будущих названий. Соответственно, в описании решающую роль приобретают контексты, выражающие суждения о подобных признаках. Такие контексты можно назвать мотивировочными: одной (или несколькими) своими единицами они подсказывают будущее название.

Можно предположить, что каждая группа лексики имеет специфические формы мотивировочных контекстов: многим названиям болезней, например, предшествовали безличные конструкции¹⁸, цветовым прилагательным — сравнительные и т. п., в топонимике, по-видимому, немаловажную роль играют контексты, выражающие пространственные отношения. Факт их наличия убедительно иллюстрируют микротопонимы-ориентиры типа: *тонь под елиной в углу, поляна, где растет земляника, ручей у Второго кордона* и т. п.

Такие формы выражения, в силу своей громоздкости и относительной неустойчивости, неудобны как средства общения, и их дальнейшая эволюция направлена на закрепление в языке в устойчивых, т. е. типичных для данной группы лексики формах. Таковыми для лексики природы являются составные номинативные названия, состоящие из определяемого — родового компонента и определяющего — видового компонента, представленные двумя типами согласования:¹⁹ 1) согласованием существительного и прилагательного, например, *змеиный орел* (казан.) — змеяд, *горный кулик* (астрах.) — кроншнеп²⁰, *Большая речка, Красный Яр, Крутая Веретья* и 2) различными видами согласования двух существительных, например *сокол-белогорлик* (казан.) — чеглок, *дрозд-деряба* (петерб. и лит.), *кулик-сорока* (казан. и лит.), *Каменка-река, Старик-камень*²¹. Переход от мотивировочных синтагм к составным названиям может сопровождаться их функционированием как вариантов: *лес у Мостища* или *лес Мостовой*, *поле От Ивашевки* или *поле Ивашевское*, *поле У церкви*, или *поле Церковное*²².

Составные названия нельзя полностью отнести ни к свободным словосочетаниям, ни к фразеологизмам. Если свободное соединение слов характеризуется тем, что его общее значение равняется

¹⁸ В. А. Меркулова. Народные названия болезней. 1.— В сб.: Этимология 1967. М., 1969, стр. 158.

¹⁹ Формы с управлением являются, по-видимому, сферой «искусственной» номинации как биологических видов (*нырок Бэра, сокол Леоноры*), так и географических объектов (*пик Победы, море Лаптевых* и т. д.).

²⁰ Все примеры названий птиц вместе с пометами здесь и далее взяты из одного источника: М. А. Мензбир. Птицы России, т. 1, 2. М., 1898.

²¹ Отнесение подобных типов (особенно топонимов) к составным номинативным единицам может вызвать сомнения. Действительно, в каждом конкретном случае необходимо решать, является ли данное сочетание слов обязательным или факультативным. (Н. Н. Прокопович. Словосочетания в современном русском литературном языке. М., 1966, стр. 151—163).

²² Все примеры составных топонимов взяты из статьи: Э. Д. Головина. О характере номинации в микротопонимике. — ВТ, № 5. Свердловск, 1971.

логическому произведению признаков, содержащихся в обоих компонентах сочетания²³, то значение составного названия из этого произведения никоим образом не выводится. Это возникает вследствие того, что видовой компонент составного наименования выражает мотивировочный признак, который представляет всю совокупность признаков данного предмета и как бы «конденсирует» в себе их содержание. Таким образом, видовой компонент заменяет, по существу, целое описание, к которому он генетически восходит. Очевидно, что логическое произведение признаков не может отразить это выраженное содержание и поэтому сочетание, допустим, *большой чирок* или *большая речка* никак не равны по значению составным названиям *большой чирок* (казан.) — чирок-коростелёк или *Большая речка*.

С другой стороны, значение видового компонента может определённым образом актуализироваться в составе мотивировочной синтагмы.

Таким образом, составные названия не синтезируются в речи, а воспроизводятся целиком, являясь единственной формой выражения данного понятия²⁴. Но от фразеологизмов составные названия отличаются тем, что их компоненты выступают в свободных (не связанных) значениях, поэтому, объединяясь по родовому компоненту и противопоставляясь по видовому, они образуют парадигматические ряды, свидетельствующие о их разложимости. Например: *чирок-свистун* — *чирок-трескун* (лит.), *чирок-грязник* — *чирок-коростелёк* (петерб.), *чирок-малый* — *чирок-большой* (казан.), *Коровья Гора* — *Большая гора* — *Берёзовая гора* — *Гажья гора*, *Шурской Лог* — *Красной Лог* — *Китов Лог* и т. п.²⁵.

Фразеологизмы чаще всего исключают подобные оппозиции: *синий чулок* не противопоставляется красному или капроновому, *яблоко раздора* — шафрановому или апорту.

Особое место составные названия занимают также и в генетическом аспекте. Здесь их правомернее всего рассматривать как переходный этап от синтаксической объективации к лексической или как исходную базу последней.

Можно выделить несколько типов лексической объективации по её результатам.

А. Составные названия могут превратиться во фразеологизмы, если выраженная в данном названии родо-видовая противопоставленность понятия в какой-то мере стирается, родовой компонент становится неотъемлемой частью всего названия, а видовой уже не предполагает наличия других видов данного рода. Таковы, напри-

²³ У. Вейнрех. О семантической структуре языка. — В сб.: Новое в лингвистике, вып. 5. М., 1970, стр. 189.

²⁴ Именно с момента закрепления в языке в устойчивых формах об идеальном содержании можно говорить как о понятии.

²⁵ Примеры из статьи: В. П. Строгова. Микротопонимия с. Березовский Рядок. — В сб.: Микротопонимия. М., 1967, стр. 124.

мер, названия *царь-трава, иван-чай, Красное Село, Москва-река*, и др.

Б. Ещё дальше этот процесс идёт при слиянии обоих компонентов составного названия в одно сложное слово: *сизоворонка, бело-рыбца, краснотал, Белоозеро, Белорыбье, Новгород* и т. п.

В. Наиболее продуктивным типом лексической объективации в русской лексике природы является семантическая конденсация (в плане содержания) и сжатие (в плане выражения), когда при частой употребительности составного названия один из его компонентов начинает предполагать другой, создавая избыточность его выражения. Механизм сжатия составного названия в простое достаточно прост: материальной базой простого названия становится видовой компонент²⁶, а родовой редуцируется, но при этом его значение включается в значение простого названия. Сжатие может быть *неосложнённым*: *дрозд-деряба*→*деряба* (диал.) *зелёный* [жулан?]*→зелёный* (казан.), *Каменка-река*→*Каменка, Боровой ручей*→*Боровой*²⁷, сюда же относятся фразеологизмы, выражающие метафорически один мотивировочный признак, например, *кукуйкин слёзки, пастушья сумка, анютины глазки, Дыроватые рёбра, Афонины брови, Летучая мышь*²⁸. Столь же часто сжатие *осложняется* аффиксацией: *желтобровая пеночка*→*желтобровка* (казан.), *сизый голубь*→*сизак* или *сизарь* (диал.), *Владимирская дорога*→*Владимирка, Моряковский Затон*→*Моряковка* (Томская обл.) и т. п.

Генетическое родство составных и простых названий проявляется в общности принципов номинации. Но ещё более показательны факты сосуществования простого и составного названия в пределах одной местности: *камышевая курица* или *камышевка* (астрах.), *степной кулик* (оренб.) или *степняк, кулик-сорока, сорочай* или *сорочага* (казан.), *пеночка-весничка* или *весничка* (яросл.), *Русановская гора* или *Русановка, Дровяной надел* или *Дровяник, Яганово место* или *Ягановищина*.²⁹

Кроме рассмотренных общих моментов, «естественная» номинация собственными именами содержит ряд особенностей. Отметим некоторые из них.

А. Отличен сам характер выделения новых (неназванных) объектов. Выделение видов флоры и фауны осуществляется *постепенно* из корневых понятий, в которых они ранее не осознавались как

²⁶ Иногда простое название (деминутив) базируется на родовом компоненте: подорлик, совка, гагарка, воронок, Воложка, Днеприк и под.

²⁷ Показателен в этом отношении перечень микропонимов в статье Н. В. Подольской «Микропонимия в древнерусских памятниках письменности». (В сб.: Микропонимия, стр. 50—53). Редуцированный родовой компонент здесь подается в скобках, в отличие от нередуцированного.

²⁸ Л. Г. Галушко. Названия «камень» реки Чусовой. — ВТ, № 1. Свердловск, 1962.

²⁹ Примеры из статьи Э. Д. Головиной «О характере номинации в микропонимике», стр. 114—115.

виды³⁰, при этом видовые отличия отражаются в форме общих представлений и затем понятий. Для выделения географических объектов характерно их *открытие*, фиксация в сознании в форме конкретного представления, первоначально объективируемого при помощи родового слова, например, ручей, холм, гора и т. п. Здесь важно отметить, что идеальное содержание может развиваться и функционировать под этой формой первичного выражения. «...Из небольших речек и ручьёв особые имена носят только те, которые имеют какое-либо значение в жизни населения... особенно, когда речка или ручей не являются единственными в этой местности и с помощью своего имени должны быть выделяемы из ряда подобных объектов. Остальные же мелкие линейные объекты жители называют просто: *Ключик, Речушка, Ручей* и т. д.»³¹ Такое явление присуще не только топонимике: аналогию ему составляют названия многих биологических видов, совпадающих с общим родовым названием, если данный вид является единственным представителем рода в соответствующей местности. Так, сибирскую ряпушку в Сибири называют родовым словом *сельдь*, сибирского ельца — словом *чебак* или *сорога*, восточно-сибирского хариуса — словом *хариус* и т. п.

Отсюда видно, что причины, обуславливающие номинацию в лексике флоры и фауны и в топонимике принципиально не различаются. Вероятно, при их определении следует лишь по-иному расставить акценты, выделяя в первом случае потребность выражения, закрепления и передачи идеального содержания, а во втором — необходимость индивидуализации объекта, его отличия от других объектов и выражение этого отличия.

Б. Однако абсолютизировать это положение вряд ли правомерно, поскольку мотивировочные признаки, которые нельзя рассматривать только как отличительные, значимостные, являются средством выражения как общих, так и единичных понятий. (Ср. такое высказывание: «...для собственных имён важно не столько значение, сколько значимость»³²).

Лексика природы далеко не исчерпывается фактами выраженной парадигматической противопоставленности названий типа: *большой крахаль — малый крахаль* (казан.), *клест-еловик — клест-сосновик* (диал.), *Западная Двина — Северная Двина, Волга — Воложка* и другие топонимы. Для лексики природы весьма характерны и невыраженные оппозиции, например, *дрозд-рябинник — дрозд-белобровик* (диал.), *желтый слепух — длиннохвостый слепух* (оренб.), *Картофельный овраг — Дейковский овраг — Пастуший ов-*

³⁰ Н. Д. Голев. Образование класса номинативных единиц.— Сб. докладов 24-й научной студенческой конференции. Томск, 1971, стр. 13—14.

³¹ Э. Д. Головина. Номинация линейных водных объектов в бассейне реки Молоты.— ВТ, № 4. Свердловск, 1970, стр. 357.

³² Б. Н. Топоров. Из области теоретической топонимистики.— ВЯ, 1962, № 6, стр. 7.

*раг, Дубовая балка — Межонная балка — Ионкина балка*³³, *Мостовая веретья — Широкая веретья, Красная зноздь — Пивоваренная зноздь, Коровья урвина — Глухая урвина*³⁴.

Из этих примеров видно, что мотивировочный признак выполняет не только отличительную (значимостную), но и описательную функцию, так как характеризует объективные свойства самого предмета. В. А. Никонов пишет: «...Отбор признака продиктован только интересами общества»³⁵. Вряд ли возможно столь категорическое утверждение.

Конечно, диалектика субъективного и объективного в каждом конкретном названии проявляется по-разному. При относительно существенных мотивировочных признаках (существенных по отношению к человеку или к другим предметам) субъективная сторона номинации проявляется в большей степени, чем при признаках, непосредственно характеризующих сам предмет. В «идеологических» же наименованиях (наиболее нетипичных для «естественной» номинации) эта сторона вообще превалирует.

При такой постановке вопроса вскрываются некоторые отличия в «естественной» номинации собственными и нарицательными именами. Если названия видов флоры-фауны (в частности, названия птиц) в подавляющем большинстве случаев базируются на безотносительно существенных мотивировочных признаках, то среди топонимов значительное место занимают мотивировочные признаки, отражающие отношение к объекту определенных людей, его использование и т. п. Поэтому удельный вес «социальных» названий среди топонимов выше, чем среди названий видов флоры-фауны, но это различие имеет статистический характер, а не характер антиномии.

В. Существенные различия в номинации собственными и нарицательными именами связаны с тем, что общие понятия развиваются из общих представлений, а единичные — из конкретных. Конкретное представление, отражая признаки отдельного предмета, естественно, более богато по содержанию, чем общее. Но, с другой стороны, его содержание более диффузно, его труднее расчленить на определенное минимальное число признаков. Так в значение топонима Байкал могут, по-видимому, входить, кроме указанных (см.), еще и такие признаки, как 6) самое глубокое озеро, 7) с определенными берегами, 8) с наличием рыбы омуль и, вероятно, ряд других. Вследствие этого многообразия признаков их труднее расположить по степени способности быть мотивировочными. Поэтому выделение одного из них в качестве мотивировочного может оказаться лишь относительно обусловленным всем

³³ Р. И. Блинохвато́ва. Микропонимия с. Хопёрское. — В сб.: Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969, стр. 223—224.

³⁴ А. М. Абра́мова, Г. Г. Смирнова. Местные географические термины в микропонимии Горьковской области. — В сб.: Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969, стр. 214—217.

³⁵ В. А. Нико́нов. Введение в топонимику, стр. 26.

содержанием. С этим в какой-то мере связана большая способность собственных имен к деэтимологизации.

Факт меньшей обусловленности видового компонента составных топонимов определяет их более слабую устойчивость по сравнению с составными названиями видов флоры-фауны. Составные топонимы более свободно подвергаются сжатию и, как правило, легко восстанавливаются. В сущности, выражения, например, *мы пойдём на Глубокое* и *мы пойдём на Глубокое озеро* оказываются равнозначными. В лексике флоры-фауны восстановить редуцированный родовой компонент простого названия можно лишь при наличии его варианта — составного названия, если же этот вариант утрачен, то о нем можно говорить только предположительно.

Тесно связано с этим преобладание в сфере топонимов неосложненного типа сжатия, особенно ярко проявляющееся в сравнении с названиями биологических видов. Среди 1600 названий птиц, например, нами обнаружено лишь одно субстантивированное прилагательное и 10 фразеологизмов типа *лесной барашек* (казан.) — *бекас*, *водяной бык* (казан.) — *выпь*.

Г. Существенные различия в естественной номинации собственными и нарицательными именами ожидаются в принципах, способах и средствах номинации, но это уже предмет особой работы.

* * *

«Естественная» номинация как собственными, так и нарицательными именами базируется на общих принципах объективации идеального содержания и номинации, существующих в языке. Различия между ними не имеют полярного, взаимоисключающего характера, их, скорее, следует определить как градуально-статистические.